

2, шк. 2 т. 6. А. 48

ХАДЖИБЕЙ

СТИХОТВОРНАЯ ПОВѢСТЬ.

(написанная въ 1829 году).



Одесса.

Въ Городской Типографіи.

1838.

БІБЛІОТЕКА ІМЕНІ П. Мечникова

ХАДЖИБЕЙ

СТИХОТВОРНАЯ ПОВѢСТЬ.

(написанная въ 1829 году).



ОДЕССА.

Въ Городской Типографіи

1838.

ПОСВЯЩАЕТСЯ:

Его Высокоблагородію

Подполковнику

Льву Николаевичу

ГЕРБАНОВСКОМУ,

въ знакъ преданности

Отъ Сочинителя

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Какъ сынъ полуденной столицы
Преданьямъ спарца я внималъ
И подь гармонию цѣвницы
Я ихъ друзьямъ передавалъ:
Сспижи! . . спижи — моя спижиа! . .
Одессы дѣшшво я пою;
Она лила лучи злашые
На младоспъ рѣзвую мою.
Но своенравная судьбина
Меня умчала въ край иной —
Гдѣ полюбилъ меня, какъ сына
Ты однокровною душей!

Твои мнѣ памяшны рассказы
И про кровавые пиры,
И про военныя проказы
Давно минувшія поры:
Когда спояла непогода
Опуспошительной войны —
Въ грозѣ двенадцашаго года —
Въ рядахъ, гдѣ Русскіе сыны,

Развѣя имъ родное знамя,
Какъ крылья сѣверный орелъ
Кидались въ сѣчу, воду, пламя:
И Ты шамъ былъ, и Ты шамъ шёлъ!

Зима и гибель и пожары,
И Неба мстительныя кары,
Тогда надъ вражеской главой
Гремѣли спрашною грозой.
Мнѣ памяшно, какъ въ часъ печали
На лонѣ мира и родни,
Твои рассказы занимали
Мои младенческіе дни.
Примижь, любитель Музы юной,
Поривъ души и опъ меня,
На элегическія спруны
Свое вниманье успряма

~~~~~

### ГЛАВА ПЕРВАЯ

Оплывъ исперзанной души,  
Въ млежной бурѣ — не въ пиши —  
Изъ Байрона.

#### I.

Пурпуровымъ и тусклымъ шаромъ  
Тонуло солнце въ морѣ яромъ  
И блескъ на волнахъ исчезалъ.  
Валы летѣли и межъ скалъ  
Другъ друга съ грохотомъ встрѣчали;  
Ущелья гуломъ отвѣчали;  
И только, чуть изъ далека,  
Бѣлѣлся парусъ челнока:  
Рыбакъ закидывалъ тамъ сѣти . . . . .  
День ужъ угасъ и верхъ мечети  
На долго вновь раззолотилъ; —  
Лишь только вѣтеръ глухо вылъ;

И не толпились Музульмане  
Передъ мечетью . . . . и въ туманъ,  
Безмолвно, бѣдный сынъ степей,  
Стоялъ надъ моремъ Хаджибей.

## II.

Одинъ рыбакъ . . . . . одинъ въ кручишь  
Носился по морской пучинѣ, —  
Онъ опустилъ свое весло  
И бурей челнѣ его несло! . .  
Рыбакъ былъ занятъ тяжкимъ горемъ! .  
Казалось онъ сдружился съ моремъ  
И будто что-то находилъ  
Родное . . . . — » Ахъ! онъ возопилъ,  
» Такъ далеко мнѣ до Стамбула,  
» Какъ до луны! . . . . пора минула! . . .  
» Ее любилъ я и она  
» Душей мнѣ была предана!  
» Я помню ночь! луну! . . свиданье! . .  
» Ее невинное признанье,  
» И гнѣвъ отца . . . . Паши . . . нѣтъ! . . нѣтъ! . .  
» Онъ предъ Аллахомъ дастъ отвѣтъ! .  
» Онъ продалъ дочь! . . . . а ты Зюллема —  
» Ты жертвой сдѣлалась гарема! . .  
» Ты разцвѣтешь; — но у Паши

» Зевянешь, такъ какъ цвѣтъ въ глуши . . .  
» Твой другъ тебѣ не улыбнется,  
» Рука любви не прикоснется,  
» И ахъ! подыметъ твой башлыкъ (1).  
» Лишь Евнухъ (2) да Паша старикъ! . . .  
» Аллахъ не нада мнѣ эдема,  
» Мой рай вотъ тамъ — въ стѣнахъ гарема!  
» Стерпеть я могъ ли? . . . нѣтъ! кинжалъ  
» Отца - тирана наказалъ. «  
Умолкъ рыбакъ . . . . глаза сверкали,  
Кого-то будто бы искали; —  
Онъ весла взялъ и легкій челнѣ  
Прорѣзалъ грудь кипучихъ волнѣ! . .

## III.

О! какъ лѣниво дни текутъ  
Въ странѣ чужой, вдали отъ милой, —  
Какъ трудно . . . трудно обмануть  
Надеждою свой духъ унылый  
Страдальцу страстному; — предъ нимъ  
Исчезло все, какъ легкій дымъ,  
И будущность закрыта мглою; —  
Такъ Бекъ, отрынутый судьбою,  
Оставилъ отчій домъ, Стамбуль —  
И только грозный моря гуль

Напоминаль ему, порою,  
О преступленіи; — но Онъ  
Убийство видѣль, какъ сквозь сонъ; —  
А съ дѣвой юной разлученье  
Не забывалъ и на мгновенье! . . .  
» Ахъ! кто любилъ и былъ любимъ,  
» Не былъ ли тотъ судьбой гонимъ? « —  
Онъ говорилъ и съ этимъ словомъ,  
Во взоръ мрачномъ и суровомъ,  
Являлся геній тишины; — . !  
Но онъ съ нагорной вышины  
Глядѣль всё вдаль, — гдѣ небо, море  
Уже сливалось во взоръ; —  
Гдѣ безотвѣтный горизонтъ  
Межилъ собой Эвксинскій Понтъ;  
Когдажъ онъ былъ печали полный,  
Тогда въ безуміи блуждалъ  
Между угрюмыхъ, дикихъ скалъ; —  
Гдѣ шумъ, да трескъ, да яры волны . . . .



**ГЛАВА ВТОРАЯ**

Печалень цвѣшь въ землѣ суровой;  
Когда изъ шпихихъ, южныхъ странъ  
Перенесеть его шпранъ  
На хладный ледъ и къ жизни новой:

Л. Ла . . . . .

**IV.**

. . . . .  
. . . . .  
Надъ зеленѣющимъ обривомъ,  
Въ разнообразіи игривомъ,  
Казалось случая рука  
Расположила здѣсь слегка  
Строеня низкія. Межъ ними,  
На кровль съ шпичами рѣзными,  
Стояль здѣсь Бея старый домъ,  
Съ обширной банею и садомъ.  
Съ двора, за частымъ полисадомъ,  
Искрилось море; — а вдали,



Порой, неслися корабли  
Съ бреговъ богатого Стамбула.  
Туманъ на моръ — и заря,  
На небъ сумрачномъ горя,  
Казалось въ облакахъ тонула . . . .

V.

Зачемъ такъ рано на крыльце  
Турчанка вышла? . . . или Бея  
Она здѣсь ждетъ? . . . . но нѣтъ лице  
Ее, какъ блѣдная лилея! . . . .  
Она взглянетъ . . . . . Она молчитъ . . . .  
Она въ раздуміи суровомъ, —  
И грудь волненіемъ кипить,  
Подъ свѣтло-бархатнымъ покровомъ. —  
Ея безмолвная печаль  
На всё свой томный свѣтъ бросала; —  
Душа ея въ лицъ сіяла! . . . .  
Какъ неба сумрачного даль  
Готова стухнуть въ мракъ ночи; —  
Ахъ! такъ унылы, такъ блѣдны,  
Туманны, грустны и смутны  
Ея лазоревыя очи! . . . .  
Гдѣ розы мимолѣтныхъ лѣтъ? . . . .  
Гдѣ прелесть юности отрадной? . . . .

Очарованья полный цвѣтъ? . . . .  
Все какъ въ могилѣ темной, холодной  
Съ собою время погребло,  
И на отраду ей дало  
Одни . . . . . одни воспоминанья! . . . .  
Какъ друга тѣнь, въ часы свиданья,  
Изъ кельи темной, гробовой, —  
Онѣ приходятъ къ изголовью,  
Съ своею пасмурной любовью,  
Мрачить души ея покой!

VI.

Башмыкъ откинувъ, голубые  
Глаза вперила въ неба вись —  
И косы льняно-золотыя  
Вкругъ шеи бѣлой обвилась! . . . .  
. . . . .  
Прекрасны бархатныя крылья,  
Весной, красавца мотылька  
На склонѣ блага листка,  
Невинной розы; — но прелестнѣй  
Ресницы черныя какъ смоль,  
По щекамъ блѣдности небесной,  
Едва опущенныя вдоль! . . . . .  
Ее дыханье ожигало

Холодность трепетныхъ ланить, —  
И душу робкую томить  
Тоска, какъ острый ядь, — какъ жало! . . . .  
Она вздохнула и потомъ  
Свой взоръ окинула кругомъ,  
Мечтой губительной гонима! . . . .  
Такъ какъ акорды серафима,  
Мелодьей, голосъ не земной  
Ея, раздался въ тьмѣ ночной:

П Ъ С Н Я.

» Печальный видъ, когда въ пучинѣ  
» Кружится легкая ладья! . —  
» Печальнѣй я, когда въ кручинѣ,  
» Былое вьется вокругъ меня! . . . .  
» Ладья! . . съ тобою . . . руль . . . встрело,  
» Съ тобой и гибкое весло; —  
» А мнѣ все въ мѣръ изменило,  
» Все вихремъ рока унесло! . . . .  
» Порою будто озарится  
» Душа, весела я тогда; —  
» Но снова, такъ какъ зыбью тмится;  
» На днѣ пучинѣ небесъ звезда! . . . .  
» Кудажъ? . . . кудажъ моя ты дума

» Несешься такъ какъ вихрь полей? . .  
» Ахъ! гдѣ взволнована, угрюма  
» Найду я радость прошлыхъ дней? . .  
» Тудаль гдѣ такъ горитъ Аврора?  
» Гдѣ дивная синѣть даль? . .  
» Гдѣ блескъ эфирнаго лазора  
» Затмить земную всю печаль? . . « —

—  
Она умолкла . . . . . и ревниво,  
Своей рукою боязливой,  
Слегка поправила башлыкъ; . . .  
И тихо взоръ ея поникъ,  
Какъ цвѣтъ облитый солнца жаромъ . . .

. . . . .

VII.

Въ уютной комнатѣ одно  
И за рѣшеткою желѣзной,  
Едва примѣтное окно,  
Закрѣто тканію прелестной . . . .  
Надъ дверью бѣлая луна (<sup>3</sup>),  
Съ давно завядшими цвѣтами,  
И полъ покрытъ вездѣ коврами . . . .  
Шатнулась дверь — и вотъ она  
Взошла и тихо приклонила

Свою головку на диванъ,  
И глазки томные вперила  
На не наглядный талисманъ . . .  
Она вздохнула и печалью  
Глаза смѣжились . . . лишь чуть-чуть  
Ея взволнованная грудь  
Вздыхалась подъ эфирной шалью . . .  
Едва мелькаль въ углу лампадъ;  
А въ полъ выль и вѣтръ и выюга,  
Какъ старецъ въ страшный часъ недуга,  
Когда томить болѣзнь и гладь! . . .  
Вдругъ стукъ . . .



**ГЛАВА ТРЕТЯЯ**

Какъ плачешь ты . . . такъ плакаль я!  
А. Коцюбинскій.  
On l'entraîne . . . triste et parée . . .  
Emile Deshamps.

**VIII.**

. . . . Турчанка пробудилась  
И шаль отбросила; — слегка  
Вотъ кто то ручку жметъ замка  
И дверь тихонько отворилась . . . . .  
Турчанка вздрогнула . . . . но вотъ  
Старушка дряхлая идетъ,  
Какъ Ангель будто бы хранитель . . .  
» Кто ты? . . . «  
— Твой другъ! твой утѣшитель!  
И ты не спишь? —  
» Томуль до сна,  
» Чія душа всегда больна! . . . « —

— Открой . . скажи, моя Зюллама,  
Откуда взялъ тебя Жи-Бей,  
Иль отъ родныхъ иль изъ гарема,  
Изъ горъ Кавказскихъ иль полей? . .  
О чемъ душевное волненье;  
Младаго сердца пылкй жарь;  
Страстей негаснущй пожарь,  
И думъ невольное влеченье? . . .  
И чей любви палящй взоръ  
Тебя зажегъ? . . съ давнихъ ли поръ  
Пошла ты жизненной дорогой? . . .  
Все расскажи! —

IX.

— О какъ я много

Перетерпѣла! . . ты измѣрь  
Своею страстью; — но повѣрь  
Какъ много сдѣлала святого! . .  
Обворожительны мечты  
Любви молодой, любви горящей:  
На жизнь безцвѣтную — цвѣты,  
На все накинуть видъ блестящй!  
Нась очаруютъ и сулятъ  
Рои надеждъ и наслажденй, —  
И отъ печали насъ хранятъ

И утѣшаютъ, такъ какъ генй! .  
Любовь! . . . любовь! зачѣмъ же ты,  
Въ порывахъ перваго забвенья,  
Мои лилеяла мечты  
И разсыпала наслажденья?  
Ахъ для того ль младую кровь  
Ты взбунтовала, — чтобы вновь,  
Въ кручинѣ тяжкой и печали,  
Дни невозвратно улетали?  
Любить иль нѣтъ не наша власть:  
Я полюбила Бека; — милый  
Какой-то тайной, чудной силой  
Во мнѣ зажегъ любви страсть  
И наше посѣщалъ жилище; —  
Но страхъ и вспомнить: мой отецъ  
Нуждался даже въ дневной пищѣ!  
А Бекъ былъ бѣденъ, — ты представь  
Для сердца сколько здѣсь отравъ:  
Отецъ старикъ, больной и нищй,  
Умретъ съ печали; — но судьба  
Не постоянна какъ луна! . . . . .  
. . . . .  
На свѣтломъ праздникѣ Байрама (1)  
Папа плѣнился мной, — и онъ  
Отца услышалъ тяжкй стонъ.

Цвѣтокъ завѣтнаго Эдема, —  
 Онъ говорилъ, — моя Зюллама,  
 Люби меня! . . и вѣрь, что я  
 Жемчугомъ чистымъ, ожерельемъ,  
 Покоемъ сладкимъ и весельемъ,  
 Какъ друга подарю тебя . . . . .  
 Отца же почестью и златомъ,  
 И буду жить я съ нимъ, какъ съ братомъ!

## X.

Сама подумай ты, могла ли  
 Я вынести радость и печаль:  
 Отца избавить отъ недуга,  
 И позабыть на вѣки друга! . . . . .  
 Но ахъ любовь къ отцу святѣй  
 И я рѣшилась! . . . Съ этихъ дней  
 Я Бека больше не видала . . . . .  
 Онъ вѣрно жизнью пренебрѣгъ,  
 Я не виновна, знаетъ Богъ,  
 Какъ я и въ златъ тосковала!  
 Мнѣ лучше смерть, — сноси же ядъ,  
 Въ темницѣ тяжкія оковы,  
 Чѣмъ перенести коварный взглядъ  
 И ласки не живой любви!  
 Но я терпѣла, какъ могла; —

Предъ нимъ была всегда покорной,  
 Какъ взрываю бури стебель горный; —  
 Но скоро . . . . . скоро я слегла, —  
 И онъ забылъ меня больную;  
 Найдя прелестницу другую,  
 Онъ и ее такъ обманулъ! . . .  
 Въ тотъ годъ прѣхалъ къ намъ въ Стамбуль  
 Хаджи (<sup>v</sup>), изъ Меки, съ поклоненья,  
 Онъ обомнѣ давно слыхалъ,  
 Просилъ Пашу — и онъ отдалъ  
 Ему меня для наслажденья! . . .  
 Гдѣ мой отецъ? . . Стамбуль? . . мой Бекъ?  
 Ужель предъ ними я во вѣкъ  
 Въ сей тяжкой жизни не предстану? . . .  
 Ктожь сердца выльчить мнѣ рану? . . .  
 Мой вздохъ порой къ нимъ долетитъ; —  
 Но вздохъ не жаркой — вздохъ холодный;  
 Его стремленьемъ охладитъ  
 И моря влагой и невзгодой! . . .  
 Я слезы выплакала съ глазъ;  
 Неодолимыя печали,  
 Какъ змѣи сердце мнѣ сосали;  
 Когда уже въ послѣдній разъ,  
 Съ Стамбула берегомъ простясь,  
 На суднѣ парусъ распускали!

Съ тѣхъ поръ живу я безъ отрады,  
Какъ цвѣтъ нагорный въ часъ ненастій; —  
Меня снѣдаютъ, будто ядь,  
Мои взбунтованныя страсти! . . . —

XI.

— » Не плачь . . . не плачь! . . , не ты одна  
Испила горести до дна! . . .  
О! и меня, другъ, баловала  
Въ улетной юности любовь,  
И страстью огненною кровь,  
Въ минуты счастья волновала! . . .  
И я, въ порывѣ юныхъ лѣтъ,  
Жила любовію надежной, —  
И на любовь найдя отвѣтъ,  
Я шла дорогой безмятежной! . . .  
Но ахъ! не долго я цвѣла,  
Судьба всю радость окрылила; —  
Быстрѣ сокола, орла  
Ее съ собою унесла  
И черной мантией обвила! . . .  
Похищена я у родни! . . .  
И я, вотъ здѣсь, какъ ты страдала: . . .  
Мгновенно пролетали дни,  
Заними годы — и одни

Я только горести здѣсь знала!  
Но ахъ! прошла и та пора . . .  
И я, отъ горя, здѣсь зачахла! . . .  
И вотъ, ты видишь, я старá,  
Со всемъ безъ силъ, со всемъ задряхла! . . .  
И высохла моя вся грудь! . . . .  
Бей отпускала: — я нехотѣла, —  
Я ко всему ужъ охладѣла! . . .  
Но ты дитя! . . . когда нибудь,  
Пади къ ногамъ его съ мольбою —  
Моли его *Рухъ-минъ-Аллою* <sup>(6)</sup>  
*Ису, Мусу* <sup>(7)</sup> и вѣрь, что онъ  
Рабы своей услышитъ стонъ  
И сердца дѣвственнаго смуту! . . .  
Онъ къ полу слабому не строгъ! . . .  
Унасъ есть славный *Астрологъ*, <sup>(8)</sup>  
Онъ скажетъ счастья минуту —  
И ты свободна! . .

— Нѣтъ! какъ дымъ

Мои мольбы, мои рыданья  
Исчезнуть скоро передъ нимъ; —  
Я лишь живу однимъ . . . однимъ:  
Мои на Бога упованья! . . .  
Не мачиха, природа: мать,  
Насъ никого не обдѣлила,

Она дары свои разлила  
 На всѣхъ насъ поровну — и дать  
 Велѣла юности — надежду; —  
 Чтобъ юность будущимъ цвѣла! . . .  
 А старости она дала:  
 Воспоминая . . . . .  
 . . . . . — Бей старикъ  
 И отъ любви давно отвыкъ,  
 Любовь къ тебѣ въ немъ не приметна! —  
 » Не говори! . . . онъ такъ какъ Этна,  
 » Покрытая снѣгами, льдомъ, —  
 » А въ Этнѣ пламя, такъ и въ немъ!

ХИ.

» Не быть въ Стамбуль мнѣ, — какъ рано  
 » Мнѣ умирать; — а злая грусть  
 » Мнѣ сильно впила въ сердце! пусть  
 » Исчезну я, какъ паръ тумана; —  
 » Какъ перелѣтныя мечты! . . .  
 » Меня, я знаю, любишь ты  
 » И я готова сповидѣнье,  
 » Души невольное волненье,  
 » Открыть тебѣ — но эту рѣчь,  
 » Какъ отъ могилъ прошу беречь:

» Я чуть дремала и украдкой  
 » Бекъ мимо ложа промелькнулъ;  
 » Комнѣ въ объятія прильнулъ  
 » И подарилъ улыбкой сладкой! . . .  
 » Я задрожала . . . . онъ молчалъ;  
 » Я въ немъ видала страхъ и горе;  
 » Онъ съ дикимъ взоромъ указалъ  
 » На росышающійся валь,  
 » На берегъ, небо, и на морь.  
 » . . . . .  
 » И какъ мечта исчезнулъ онъ! . . .  
 » Ахъ съ той поры всегда, повсюду  
 » Томить меня не ясный сонъ! . . .  
 » О чемъ не думаю, все онъ —  
 » Меня къ себѣ манить куда-то  
 » На берегъ моря! . . отъ чегожъ  
 » Я вижу кровь? . . то вижу ножъ? . . .  
 » То Бека мертвого, то злато? . . .  
 » То гурью, съ поднятымъ крыломъ,  
 » Надъ охладѣвшимъ старикомъ? . . .  
 » . . . . .  
 » . . . . .  
 » Нѣтъ! . . я рѣшилась въ эту ночь  
 » Дозоры Бея превозмочь,  
 » И утромъ! . . . завтра! . . . « — Дикій трепеть

Слова *Зюллемы* перерваль  
И поминутно выриваль,  
То вздохи, то невнятный лепеть! . . .  
И слезы хлынули изъ глазъ! . . .  
Душа Старушки занялась  
Вмигъ состраданьемъ, — и какъ геній  
Она предъ ложемъ на колбни  
Склонилась! . . . Чистыя мольбы,  
Изъ усть, срывались у рабы.



**ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.**

. . . . Надежда и Любовь!  
Предметъ бывалыхъ заблуждений!  
Простишь дерзости сшиховъ?  
Я примирюсь ли съ вами вновь?  
Иль ваши мстительныя шъни  
Я встръчу въ области гробовъ?  
Изъ описанія Бала: Н. Г.

**XIII.**

Взошла луна и ликъ двурогій,  
Красуясь въ облакахъ, порой,  
Тропинкой, море, золотой  
Пересъкалъ. Но вотъ отлогой,  
Изъ *Хаджибея* внизъ, дорогой  
Идетъ одинъ рыбакъ молодой.  
Уже заря на небъ мльла,  
Ужъ проявлялся блѣдный свѣтъ;  
И застонала Феломела,  
И зашумъло море вслѣдъ  
Волной гремучей и прохладной.  
Въ забвеньи, въ грусти безотрадной



Рыбакъ остановилъ свой взоръ  
На лонъ обнаженныхъ горъ; —  
Въ немъ душу жегъ какой-то пламень . . .

. . . . .  
Онъ тихо голову склоня,  
Такъ говорилъ: — » Увы! меня  
» Вотъ здѣсь, подъ этимъ камнемъ горнымъ,  
» Сокроютъ некогда — и я,  
» Аллахъ! я буду также чернымъ,  
» Какъ эта черная земля! . . .  
» Никто не тронетъ прахъ могильный; —  
» Никто надъ нимъ непогруститъ —  
» Одинъ лишь вътеръ . . . вътеръ сильный  
» Надъ нимъ порою просвиститъ! . . . « —  
Такъ унывалъ душой онъ кроткой, —  
Такъ унывалъ онъ каждый день; —  
Но вотъ предъ нимъ мелькнула тѣнь,  
Какъ будто Ангелъ предъ сироткой! . . .

XIV.

» Чей это ликъ Аллахъ великій? «  
Воскликнулъ Бекъ . . . и блѣдный, дикій  
Молитву робко лепеталъ:  
» Ужель еще не докаралъ  
» Меня Пророкъ? — Еще ль угрозы? . . .

» Иль утѣшеніе за слезы  
» Аллахъ мнѣ бѣдному послалъ? . . .  
» Молю пророка Магомета! . . . « —  
— Ты вѣчно бродишь до разсвѣта! . . . —  
Старикъ вдругъ Бека перервалъ.  
— Тебя я долго ожидалъ! . . .  
Но что съ тобой? . . . ты въ изступленьи,  
Твой быстрый взглядъ . . . твой грозный видъ! . . . —

Б Е К Ъ.

О! выслушай меня Хаидъ,  
Видалъ ли ты какъ привидѣнье  
Мелькнуло, тамъ вотъ, по холмамъ! . . .  
Кто это былъ? . . .

Х А И Д Ъ.

Я видѣлъ самъ! . . .

Слѣдилъ за нею съ Хаджибея,  
И говорю, мой другъ, тебѣ я, —  
Хотя я дряхль, хотя старикъ, —  
Когдажъ откинуть былъ башлыкъ  
Я изумлся! этъ очи,  
Какъ блески звѣздъ весенней ночи;  
Самаже томна и смутна,  
Какъ въ бурю томная луна! . . .

Б Е К Ъ.

Нѣтъ! то обманъ . . . игра денницы! . . .

Х А И Д Ъ.

Напрасно, другъ, не говори —

Ея прелестные ресницы,

Лучей агатовой зари! . . .

Бѣдна въ сравненіяхъ природа!

Нежаль мнѣ луннаго захода, —

А жаль ее, зачѣмъ она,

Такъ пронеслася, какъ волна! . . .

Б Е К Ъ.

То твѣ! ужасная . . .

Х А И Д Ъ.

Быть можетъ!

Судьбы намъ смертнымъ не открыть,

Законъ ее неизмѣнить!

Б Е К Ъ.

Такъ и Аллахъ мнѣ не поможетъ

Мое блаженство возвратить?

Х А И Д Ъ.

Терпѣнье! . . . вотъ нашъ геній ясный,

И, въ бурю скорби, крѣпкій шить!

Блаженъ . . . блаженъ, когда таить

Въ душѣ терпѣніе несчастный! . . .

Б Е К Ъ.

Ахъ! кто удержитъ солнца востокъ?

Кто звѣздъ потушитъ свѣтъ игривый?

Кто море выльетъ? . . . только Тотъ

Моей души уйметъ порывы! . . .

Х А И Д Ъ.

Бѣднякъ! ты съ пламенной душой! . . .

Молю тебя . . . . . молю открой

Твою мнѣ душу! . . . вѣрь признанье

Холодный старецъ сохранить,

И наставленьемъ усмирить,

Души тревожное страданье! . . .

Скажи ты мнѣ о чемъ печаль? . . .

Б Е К Ъ.

Бѣда прошла! ужели снова

Мнѣ пробуждать былую даль? . . .

Пусть съ прежнимъ сгинетъ и печаль; —

А я не сдерну съ ней покрова,

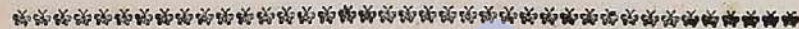
Она смутна, . . . она сурова! . . .

О! если грезы о быломъ,

И сердца огненную смуту

Я призову хоть на минуту; —  
То въ сердцѣ, стихнувшемъ моемъ,  
Всё запылаеть какъ огнемъ, —  
И дума буйная взорвётся  
И прочитаетъ мнѣ укорь! . . .  
О! предомною съ давнихъ поръ,  
То что-то въ пламени несется,  
То что-то плачетъ, то смѣется  
Межъ безотвѣтныхъ, дикихъ горъ!

Молчалъ *Старикъ* въ раздумьѣ; въ горъ  
Умолкъ и *Бекъ*. Плескало море  
Въ скалу лѣнивою волной! —  
Они шли узкою тропой . . . .  
Всходило солнце и свѣтлѣе  
Ужъ становилось въ *Хаджибей*.



ГЛАВА ПЯТАЯ.

Себѣ чудака устроилъ тушь  
Философическій приютъ . . .  
Барашинскій.

XV.

Ясна лазурь — небесъ покровъ;  
По немъ роскошное свѣтило,  
На куполь выпренихъ міровъ,  
Творца короной восходило!  
А море, — зеркало свѣтилъ, —  
Лѣниво небо отражало; —  
Въ степи привольной чутъ дрожало,  
Зефиръ чутъ съ зыбью говорилъ;  
Вотъ въ этотъ день, въ саду веселомъ,  
Раскинуть бѣлый былъ шатёр!  
*Джи-Бей* сидѣлъ и мутный взоръ  
Пльнялся, моря, гладкимъ доломъ!  
На головъ роскошный фесъ,

Обшитый жемчугомъ и златомъ;  
Съ луной серебряной. Бей весь  
Въ нарядъ пышномъ и богатомъ . . . .  
Изъ усть его клубился дымъ,  
Зефиромъ легкимъ уносимый; —  
Полузадумчивый предъ нимъ  
Стоялъ его Эвнухъ любимый! . . .  
Бей думалъ . . . думалъ много думъ . . . .  
То весель былъ . . . то вновь угрюмый, —  
Къ несчастью только Бея умъ  
Въ отсутствіи былъ здоровой думы!  
Онъ, поднявъ голову, сказалъ:  
» А что *невольница* здорова,  
» Ее давно я не видалъ . . . .  
» Или по прежнему сурова? « —  
— Великъ пророкъ . . . великъ Аллахъ! . . .  
Не знаю самъ что это значить:  
Она всегда тоскуеть, плачетъ  
И слёзы вѣчно на глазахъ! . . .  
Вотъ цѣлый годъ уже проходить,  
Она всё съ моря глазъ не сводить,  
Молчанье горькое храня!  
Она нехочетъ знать меня;  
Она всегда съ своей рабою,  
Съ старушкой, вѣщею женою! . . . « —

Эвнухъ умолкъ. И тихо Бей,  
Погладивъ бороду рукою,  
И чуть качая головою,  
Сказалъ Эвнуху: — » дай скорѣй  
» Мнѣ начертаніе Пророка! . . .  
» То книга мудрая; *Коранъ*  
» Необходимость Музульманъ  
» И свѣтзарнаго Востока! « —  
Чубухъ онъ отдалъ; — книгу взялъ,  
Листы ворочая лѣниво,  
Чистосердечно, молчаливо  
Надъ книгой мудрости зѣвалъ! . . . (°)

XVI.

» Алла! алла! нѣтъ кроме Бога  
» Аллаха свѣтлого! Когдабъ  
» Ничтожный предъ Тобою рабъ,  
» Хоть подлѣ Твоего порога,  
» Съ главою поникшею, стоялъ! . . .  
» Или въ эдема сладкой тѣни,  
» Курилъ чубухъ священной лѣни  
» И гурью юную лобзалъ! . . .  
» Чтобъ небыло конца объятій  
» Невинныхъ персовъ красоты —  
» Тогдабъ на міра суеты

» Послалъ я тысячи проклятій! « — (10)  
 Пльненный грезами, эвнухъ,  
 И восклицаніями Бея,  
 Съ улыбкой яркою, краснѣя,  
 Поднесъ дымящійся чубухъ.  
 » Эвнухъ . . . Эвнухъ веди сюда  
 » Мою прелестницу младую! . . .  
 » И гурію пока земную! . . .  
 » . . . . .

XVII.

Раскинувъ помы на диванъ,  
 Онъ въ нетерпѣнны, какъ съ трубы  
 Пускалъ табашные клубы  
 И плавалъ въ трубочномъ туманъ! . . .  
 Его довольное чело,  
 Какъ будто снова разцвѣло  
 Для новыхъ нвгъ и впечатлѣній, . . .  
 И загорѣлось скоро въ немъ,  
 Для музульманскихъ наслажденій,  
 Душа пылающимъ огнемъ  
 . . . . .  
 . . . . .  
 . . . . .  
 . . . . .

Какой-то тайной, чудной силой  
 Онъ пробудилъ въ душѣ унымой  
 Мгновенно первую любовь, —  
 Когда кипѣла сильно кровь  
 И сердце тѣло молчаливо! . . .  
 Когда, во цвѣтъ лѣтъ, онъ былъ,  
 Въ Стамбуль, *Тережи-Пашею*; (11)  
 Когда съ Султаномъ онъ ходилъ  
 Дозоромъ ночью; — какъ любилъ  
 Своей надменною душою  
 Турчанки юныя красы,  
 Когда *Кизлярмъ-Агасы* (12)  
 Онъ былъ пожалованъ Султаномъ;  
 Какъ предъ *Бели-Алла* (13) *Диваномъ*, (14)  
 Въ своей кипучей страсти, онъ  
 Былъ ненапрасно уличенъ!  
 И восемь лѣтъ какъ въ душевой башнѣ,  
 Въ одной изъ стѣнъ *Киклоніонъ* (15)  
 Какъ узникъ былъ онъ заключенъ.  
 Годъ промелькнулъ, его простили;  
 Свободу съ честью возвратили; —  
 Но выслалъ ужъ его Султанъ,  
 Для управленья Музульманъ,  
 Живущихъ по надъ моремъ чернымъ;  
 Гдѣ поле, море, да гора; —

И Бей уехалъ со двора  
 Безпрекословный и покорный . . .  
 Искаль онъ мѣста и нашель:  
 Заливъ широкій, гладкій доль,  
 Ключи воды и лѣсъ нагорный! . . .  
 И вкоренившуюся лѣнь  
 Татарскихъ, ближнихъ деревень. (16)

XVIII.

» О! Саперментъ (17) что за собака! « —  
 Въ негодованьи крикнулъ Бей.  
 » Клянуся бородой своей, —  
 » Эвнуха посажу я на́коль! « —  
 Онъ въ гнѣвъ вскочилъ съ мѣста; вдругъ,  
 Грозой испуганный Эвнухъ,  
 Дрожа отъ страха и блѣднѣя,  
 Предсталъ предъ грознаго *Джи-Бей*.  
 — Великъ Пророкъ! великъ Аллахъ! —  
 Но не позволилъ сильный страхъ  
 Окончить всѣ слова Эвнуху,  
 И Бей съ досады аплеухой,  
 Языкъ Эвнуху развязалъ . . .  
 И мигомъ выхватилъ кинжалъ . . .  
 » Да говори же ты проклятый!  
 « Не то: — вѣплю сто палокъ въ пяты! « —

— Великъ пророкъ! великъ Аллахъ! —  
 Эвнухъ сказалъ пронятый дрожью,  
 — Обманомъ хитрымъ, — гнусной ложью,  
 Гарема вашего цвѣтокъ! . . .  
 Краса небеснаго эдема! . . .  
 » Ну что же? дальше . . . . . говори! «  
 — Сегодня, рано, до зари . . . . .  
 Ушла . . . пропала . . . . . изъ гарема! —  
 И вспыхнулъ Бей, какъ огонь въ рѣкѣ; —  
 Какъ громъ, какъ молнья на Эвнуха  
 Взглянулъ со злобой. По щекъ  
 Раздалась снова аплеуха . . . . .  
 » О! Саперментъ! нечистый духъ!  
 » Ты мнѣ узнаешь . . . завтражъ на́коль! «  
 И перепуганный Эвнухъ,  
 Какъ передъ смертію заплакалъ:  
 — *Емри Алла . . . . Емри Джи-Бей* — (19)  
 Онъ повторялъ дрожа, сквозь слезы.  
 » Собака гнусная, скорый  
 » Иди ищи небесной розы,  
 » Одной изъ всѣхъ небесныхъ розъ,  
 » Покуда вихрь . . или вѣтеръ бурный  
 » Ее подъ небо, въ край лазурный,  
 » Или въ пространство не разнёсь! «  
*Хаджи* ужъ бѣшено суровый,

Онъ по алеймъ побѣжалъ,  
Въ рукъ его блещитъ кинжалъ,  
И на глаза нависли брови . . . .



ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Всевышней волею Аллаха  
Она была, какъ перлъ у Шата! —  
Аллахъ! Аллахъ! . . и между шѣмъ,  
Гдѣ Эмиши-ду-ду? . . Бельмемъ!

Глаза, какъ небо послѣ бури, —  
Сама прелѣснѣе всѣхъ гурій . . .  
Эвнухъ къ красѣ ее былъ немъ. —  
Гдѣ жѣ Эмиши-ду-ду? . . Бельмемъ!

Успа какъ солнце въ часъ заката —  
Она была дороже злата . . .  
Аллахъ! . . Аллахъ! . . и между шѣмъ,  
Гдѣ Эмиши-ду-ду? . . Бельмемъ! . .

Изъ Сади.

XIX.

Смятенъе . . . . шумъ . . . . вездѣ тревога . . .  
Толпы по улицамъ стоять,  
И жены съ трепетомъ глядятъ,  
Въ недоумьнѣи изъ порога.  
Давно встревоженный Молла (18)  
Кричитъ: Алла . . Алла . . Алла . .  
Съ высокой, каменной мечети;

Кругомъ священнаго столба  
Моллу внимають вся толпа,  
И старцы . . . юноши . . . и дѣти.  
Но не молитву, не *намезь*, <sup>(19)</sup>  
Не толкованье Алкорана,  
Подъ склономъ сумрачныхъ небесъ,  
Онъ вздумалъ дѣлать Музульманамъ;  
Нѣтъ! . . вѣсть ужасная Имана: <sup>(20)</sup>  
» Алла . . . Алла . . . внимайте, вотъ  
» Позорный день для *Хаджибей*! . .  
» Пятсотъ пиастровъ, кто найдетъ  
» Того преступника, злодѣя! . . .  
» Кто Бея нашего *жену*  
» Похитить вздумалъ.? « На луну  
Взглянули всѣ — и въ знакъ печали  
Къ груди съ смиреньемъ руки жали,  
И расходилася толпа!  
Отъ правовѣрнаго столба . . . . .



ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Люблю я пѣсень голосъ помный:  
Она поѣшь уныло ихъ, —  
Она шанишвенностью шѣмной  
Одушевляеть каждый стихъ . . .  
Къ . . . . .

XX.

Страдальцу внятень бури вой,  
И моря яростнаго взрывы,  
И ночь задернутая мглой,  
И звѣздъ печальные отливы  
Страдальцу мѣръ душный тюрьмы  
Хоть съ нимъ природа сострадаетъ,  
Хоть пеленою черной тьмы,  
Его отъ свѣта обвиваетъ; —  
И этимъ хочетъ будто скрыть  
О прошломъ тяжкія мечтанья,  
И на минуту ублажить,



Утишить грудь и сътованья! . . .  
А блески звѣздъ, въ его очахъ,  
Какъ будто сводятъ на лучахъ  
Ему живыя упованья . . .  
Такъ Бекъ съ ослушною рабой,  
Съ своей взволнованной душой,  
При блѣдномъ, тускломъ звѣздъ мерцаньи,  
При моря буйномъ завываньи  
Сидѣлъ подь каменной скалой!  
Онъ томно пѣлъ, — его напѣвы  
Гуль моря съ шумомъ заглушалъ; —  
Но онъ, съ тоской, въ объятья дѣвы,  
Въ Стамбуль, мечтою улеталъ:

ПѢСНЯ.

» Рукой игривой и жестокой  
» Меня забросилъ злобный рокъ  
» На край, отъ родины, далекий —  
» Гдѣ я, безъ милой, одинокъ! . . .

\* \* \*

» Какъ въ бурю, хладной непогоды,  
» Волнами выбитый цвѣтокъ;

» Такъ вину я въ молодые годы; —  
» Такъ я, безъ милой одинокъ! . . .

\* \* \*

» Заря взойдетъ ли . . . я такъ нѣжно  
» Гляжу на дивный огонёкъ,  
» И повторяю безнадежно:  
» Такъ я, безъ милой, одинокъ! . . .

\* \* \*

» Луна взойдетъ ли . . . и лѣнливо  
» Мой освѣщаетъ уголокъ; —  
» Она твердитъ мнѣ молчаливо:  
» И ты, безъ милой, одинокъ! . . .

\* \* \*

» Отъ югаль тихо навѣваетъ  
» Прохладный, сладкій вѣтерокъ,  
» И онъ мнѣ нѣжно напѣваетъ:  
» Ты здѣсь, безъ милой, одинокъ! . . .

\* \* \*

» Зачѣмъ же ты, рукой жестокой,  
» Меня забросилъ злобный рокъ  
» На край, отъ родины, далекий,  
» Гдѣ я, безъ милой, одинокъ? . . .

\* \* \*

Но кто тамъ трепетной стопой,  
Какъ полуночное явленье,  
Какъ тьнь, какъ будто привидѣнье  
Одинъ надъ берегомъ идетъ? .  
» Опять Хаидъ, онъ не даетъ  
» Ни въ день, ни въ ночь мечтать о прошломъ!  
» Нѣтъ! . . . . то не онъ, во снѣ полношномъ  
» Его оставилъ я! . . . . . « Рука  
Уже коснулась челнока . . . . .  
Вотъ голось тихій . . . . . — Ахъ насилу  
Дождалась ночи, . . . . . вотъ ладья . . .  
Вотъ весла . . . . . слава Богу я  
Перешагну черезъ могилу! . . .  
Дозора и погони нѣтъ! . . .  
Пора . . . . . томительный разсвѣтъ  
Меня застанеть!

XXI.

Вспыхнулъ Бекъ!

. . . . .  
. . . . .  
. . . . . » Кто ты? . . .  
« Младая дѣва темноты? . . .  
» Въ глухую ночь . . . . . вотъ валь мятежный  
» Тебя залеть . . . . . постой! . . . . .

— Пусти!  
Любовь вездѣ найдетъ пути! . . .  
Пусти! . . . когда и ты такъ нежно  
Любилъ кого когда нибудь! . . . . .  
Смотри! печаль мнѣ давить грудь,  
Смотри! я плачу! . . . я изтаю,  
Какъ запоздалый снѣгъ весной!  
Пустиже! —  
» Нѣтъ! постой! . . постой!  
» Я будто что-то замѣчаю:  
» Въ твоихъ сверкающихъ очахъ,  
» Въ давно знакомыхъ мнѣ рвчяхъ! . .

— Оставь ты тьмы пустыхъ сомнѣній,  
— Себя ты можешь обмануть! —

» Нѣтъ не пуцу! — мнѣ дай взглянуть:  
» Ты существо — иль образъ тьни? . . . «  
Она взглянула . . . . . смотреть онъ . . .  
Слова затихли — замерь стонъ . . .  
Волна нахлынула . . . и снова  
Облить ихъ влагою готова . . .  
» Зюллама! . . . . . «  
— Бекъ! . . . . . —

Но дикій валь

Слова обонхъ перерваль,

И Бекъ, въ пылу отваги страстной,  
Младую дѣву охватилъ,  
И поцѣлуемъ воскресилъ  
Мечты страдальцы несчастной!

XXII.

— О! Бекъ со мной, скорѣй бѣги  
На родину, къ брегамъ Стамбула;  
Тамъ мой отецъ; а здѣсь враги, . . .  
А здѣсь . . . ! — И снова обогнула  
Она его рукой; но онъ  
Вдругъ испустилъ тяжелый стонъ  
И вырвался съ ее объятій . . . .  
» Твои слова мнѣ душу жгутъ . . .  
» Я не могу . . . . меня тамъ ждутъ  
» Позоръ и смерть и тьмы проклятій!  
» Хоть ты . . . . хоть ты не прокляни  
» Былые, сладостные дни! . . . .  
» Я твой губитель . . . . кровопійца! . . . .  
— О! Бекъ, молю тебя, забудь! . . .  
— Я нехотѣла обмануть! . . .  
» Прости! я твой отце-убійца! « . . .  
— И ты убилъ? . . . какой кинжалъ  
Ужаснѣй этого мнѣ слова?  
Я не найду нигдѣ покрова! . . . . —

И Бекъ къ ногамъ ее упалъ  
Убитый гибельнымъ укоромъ.  
» Отмсти . . . убей . . . зарѣжь меня! «  
Но дѣва голову склоня  
Сверкающимъ блуждала взоромъ . .  
— И ты убилъ? . . . ты могъ убить? . . .,  
О! люди . . . люди! . . вы тираны! . . —  
Она хотѣла сердца раны  
Мечтою этой растравить,  
Чтобъ умереть отъ ней, — не жить! . .

XXIII.

Оцепенѣло въ ней волненье,  
Едва на нѣсколько минутъ,  
Отъ скорби сердца, жгучихъ смуть; —  
Но это вдругъ самозабвенье  
Взорвалось сильно, — излилось  
Потокомъ самыхъ ѣдкихъ слёзъ; —  
И въ изступленіи, казалось  
Ее невинная душа,  
Волненьемъ яростнымъ дыша,  
Изъ глазъ съ слезами выривалась.  
И умъ ее отваги полнъ . . . . .  
Она глазами среди волнъ,  
Съ тревогой сердца ищетъ берега —

Для смерти . . . или для побѣга . . .  
 — Куда? . . . кто мой потушить духъ  
 Въ Стамбуль? кто меня тамъ встрѣтитъ,  
 Улыбкой ясною привѣтитъ? . . .  
 Отца ужъ нѣтъ! . . . жестокой другъ  
 Я все несчастья проглотила,  
 Смотри! . . . я слезы осушила . . .  
 Я все забуду . . . вновь прильну  
 Въ твои объятія, безъ гнѣва;  
 Я выплачу твою вину . . .  
 Я буду плакать, такъ какъ дѣва  
 На гробъ матери . . . Приди! . . .  
 Приди или ты или . . . могила! —  
 Зюллама страстная къ груди,  
 Опять несчастного привила! . . .  
 Но передъ нею Бекъ молчалъ; —  
 Она кричитъ — но крикъ бесплодный,  
 И на рукахъ ее лежалъ  
 Одинъ лишь Бека трупъ холодный! . . .

## XXIV.

Огнемъ сверкающимъ въ очахъ  
 И помертвѣлымъ, блѣднымъ ликомъ  
 Она блуждала, Дикимъ крикомъ  
 Его хотѣла пробудить,

Тоску слезами погасить; —  
 Но все напрасно! — Нѣтъ спасенья!  
 — Нѣтъ не помогутъ мнѣ моенья,  
 И я приступницей приду  
 Къ Аллаха мощного суду! . . .  
 А Бекъ? . . . меня онъ тамъ забудетъ . . .  
 Меня . . . ничтожную меня! . . .  
 Тамъ Гуріи . . . и онъ полюбитъ  
 Тѣ очи полныя огня! . . .  
 Онъ любовь сожгутъ къ земному,  
 И онъ прилипнетъ къ нимъ, какъ рабъ,  
 Какъ блескъ къ сосуду золотому, . . .  
 . . . . .  
 Но это много здѣсь и тамъ  
 Нести тяжелыя страданья,  
 Жить безъ отрады, упованья! . . .  
 О! нѣтъ . . . я по его слѣдамъ  
 Пойду! . . . что будетъ — но не дамъ  
 Къ нему привиться низкой лести; —  
 Я обниму его . . . и пусть,  
 Насъ въ наказанье, злая грусть  
 Терзаетъ, — но мы будемъ вмѣстѣ! . . .  
 О! море! . . . можешь только ты,  
 Твое кипучее волненье  
 Осуществить мои мечты,

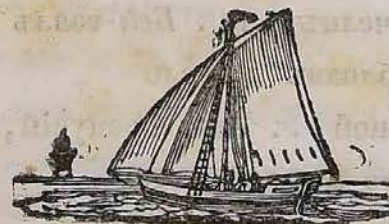
И возвратить вновь наслажденье! . . . —  
 И въ изступлении она  
 Садится въ чёлнѣ, — и чёлнѣ качнулся,  
 И моря ярая волна  
 Ее бросаетъ! . . .

XXV

День проснулся! . . .

Молю тебя, читатель мой,  
 Забудь на мигъ себя! . . . и гдѣ ты! . . .  
 Умчись тревожною мечтой:  
 Гдѣ скалы пьною одѣты;  
 Гдѣ волны ярая хотятъ,  
 Брега раздвинувъ, моремъ хлынуть,  
 И съ вышины скалу низринуть; —  
 Но скалы твердыя стоятъ, —  
 То вдругъ скатившись съ шумомъ, трескомъ,  
 Стремглавъ летить на дно скала  
 И съ ней воюеть, адскимъ плескомъ,  
 Отважно грозная волна . . . .  
 Гдѣ на раздольѣ вѣтеръ съ свистомъ  
 Бушуя рвется — и, порой,  
 Заговорить въ кустъ вѣтвистомъ,  
 И вдругъ взорветъ его съ собой,  
 И по волнамъ неся грохочетъ . . . .

Гдѣ небо скрылось и не хочетъ  
 Взглянуть на буй стихійъ земныхъ . . . .  
 Читатель мой, вотъ въ этотъ мигъ,  
 Представь ты образъ дѣвы бѣдной,  
 Убитой грустью, томной, блѣдной; —  
 Въ рыбацемъ челнокѣ . . . . . одной . . . . .  
 Въ борьбѣ съ взбунтованной волной;  
 Она безъ силъ и безъ защиты; —  
 Кругомъ грозитъ погибель . . . страхъ! . . .  
 Вотъ чёлнѣ ужъ влагою облитый . . . .  
 Вотъ ропотъ тихій на устахъ; —  
 Валь свирѣпѣеть . . . . дѣва стонетъ . . . .  
 Ударилъ вѣтеръ и челнокъ, —  
 Такъ какъ обмокшій мотылёкъ,  
 Съ Зюллемой тонетъ . . . тонетъ . . . тонетъ . . .  
 — Спасите — но напрасный зовъ! . . . .



\*\*\*\*\*

### ГЛАВА ОСЬМАЯ.

Ожидай меня! , . приду!

Эмиши-ду-ду . . .

Изъ Сади.

L'absence le plus grand de maux;

Non pas pour vous, cruel.

la Fontaine.

### XXVI.

» Сюда! . . . Сюда! . . . « Изъ-за холмовъ  
Бѣгутъ . . . толпа . . . *Джибей съ дозоромъ* . .  
Неистовымъ блуждаетъ взоромъ; —  
Садятся въ челнъ . . . . . *Бей* взялъ весло  
И ихъ по волнамъ понесло  
Стихией буйной . . . *Валь* гремучій,  
Своею дланію могучей,  
Его подыметъ . . . броситъ вновь . . .  
Оплещетъ бризгами . . . . . и новый  
Валь своенравный и суровый

Надъ ними станеть, какъ покровъ,  
Грозя гибелью и страхомъ . . . . .  
И вдругъ съ неистовымъ размахомъ  
Ихъ оболеть со всѣхъ сторонъ; . . .  
Но челнъ волною донесень  
Ужъ до *Зюллемы* — *Бей* съ отвагой  
Схватилъ ее. Бурливый валь  
Ее казалось выриваль  
И обливалъ холодной влагой . . . .

— » И я ужъ здѣсь? . . . . . какъ холодно! . . .  
Но ахъ! вездѣ мнѣ все одно,  
Гдѣ ты . . . . . *Отецъ* . . . о ближе . . . ближе . . .  
Сильнѣе . . . . . криче . . . обоймиже! . . .  
Земную вытесни печаль! . . . . .  
Я вижу вотъ земля даль . . . . .  
Вотъ тучи . . . . . звѣзды . . . все подъ нами . . .  
Вотъ солнце . . . . . видишь вотъ луна  
Съ своими вялыми лучами  
Тамъ надъ землею чуть видна! . . .  
Какъ взглядъ плѣнительнаго друга  
Здѣсь каждый лучъ златаго дня; —  
Дыханье вѣтерка, — не вьюга —  
Оно ласкаетъ здѣсь меня!  
Но ахъ! пора! . . . къ отцу . . . . . свободу . . .

Пусти! . . . . . меня ты крѣпко сжалъ! « —  
 Она качнулась . . . . . разомъ въ воду,  
 И валъ надъ нею пробѣжалъ! . . . . .  
 . . . . .  
 Какъ смерть Бей блѣденъ и чела  
 Его сбѣжалися морщины,  
 И вскрикнулъ онъ въ пылу кручины:  
 » *Емри Алла!* . . . *Емри Алла!* . . . « (21)

## XXVII.

День разцвѣталъ и солнца блескомъ  
 Оделись зыбкіе валы,  
 И однозвучнымъ, томнымъ плескомъ  
 Льниво плещуть о скалы . . . . .  
 Давно, забывъ и сонъ и нѣгу,  
 Одинъ, какъ тѣнь, идетъ Хаидъ  
 Вдоль по излучистому берегу; —  
 Онъ въ изумлени . . . . . Страшный видъ:  
 Предъ нимъ въ песокъ, окровавленный,  
 Безъ жизни, Бека трупъ лежалъ,  
 И блескомъ солнца озаренный,  
 Въ рукахъ заносчивый кинжалъ.  
 Старикъ, склоня свои колѣни,  
 Предъ нимъ безмолствуя, въ тиши,  
 Молилъ Аллаха о спасеннѣ

Несчастной, грѣшника, души  
 И подъ наклонъ скалы тернистой  
 Онъ трупъ холодный схоронилъ,  
 И орошать слезою чистой  
 Онъ ежедневно приходилъ!

## XXVIII.

Какъ часто старецъ поседелый  
 Встрѣчалъ надъ гробомъ, ночью, тѣнь; —  
 Но вдругъ скрывался призракъ бѣлый,  
 Когда являлся свѣтлый день! . . . . .  
 И старецъ дряхлый и унымый,  
 Живая летопись времени, —  
 Надъ друга хладною могилой  
 Такъ облегчалъ душевный стонъ:

## ПРЕДСМЕРТНАЯ ПѢСНЬ СТАРЦА.

Спаси меня Аллахъ всемогущій!  
 Дай хоть на мигъ мнѣ отдохнуть —  
 Я плакалъ днемъ и въ часъ полночный,  
 Отъ слезъ горючихъ чахнетъ грудь! . . .

\* \* \*

Бѣжалъ я въ темныя дубравы,  
 Бѣжалъ, какъ язвы, отъ людей; —

Но демонъ всюду злой, лукавый  
Мнѣ отравляетъ сладость дней!

\* \* \*

И я наслѣдіе могилы,  
Земль сготовленная дань!  
Взывать къ Тебѣ во мнѣ нѣтъ силы —  
Моя изсохнула гортань!

\* \* \*

Враговъ же большее стеченье,  
Чѣмъ на главѣ моей сѣдинь —  
Ты знаешь смертныхъ прегрѣшенъе —  
Ты знаешь лишь меня одинь!

\* \* \*

Я безутышный, безпріютный,  
Отъ жизни тяжкой изнемогъ,  
Но на землѣ я гость минутный  
Примижь къ Себѣ меня мой Богъ!

---

Свершилось старца ожиданье:  
Подъ тяжкимъ бременемъ скорбей  
Онъ кончилъ тяжкія страданья,  
Вдали отъ родины свой.

XXIX.

*Etiam periire ruinae!!*  
Baronessa Dalbi.

И съ той поры, молва въщала,  
Содня на день Бей унывалъ,  
И пѣснь рабынь не ликовала,  
И бубень въ праздникъ не звучалъ.  
А черезъ годъ все было дико,  
Не суетились тамъ толпы,  
Лишь обвелися повеликой  
Полуразрушившись столбы!  
Гдѣ домъ?.. гдѣ садъ?... тамъ видъ печалень!..  
Тамъ время мощною рукой,  
Все разоря, слѣды развалинь  
Покрыло желтою травой! . . . .  
Гдѣ холмъ высокій надъ обрывомъ? . . . .  
Джи-Бей памятникъ тамъ былъ!  
О прошломъ, времени счастливомъ  
Пришельцамъ юга говорилъ!  
Лишь только ветра тихій шопоть  
Межъ Хаджибейскихъ стѣнь леталъ,  
И волнь привольныхъ дикій ропоть  
Брега пустыни оглашалъ! . . . .



Но скоро Русская десница,  
Въ своихъ намъреньяхъ чиста,  
Взвылася будто соколица  
И знамя Русскаго Креста  
Въ степи пустынной водрузила!  
Подъ склономъ голубыхъ небесъ,  
Волшебнымъ маньемъ воскресила,  
Богатый, шумный нашъ Одессъ.



ПРИМЪЧАНІЯ.

(<sup>1</sup>). *Башлыкъ*: покрывало, которымъ покрываются женщины отъ пронизательнаго взора мужчинъ.

(<sup>2</sup>). *Эвухъ*: безстрастный надзиратель невольницъ.

(<sup>3</sup>). У Турокъ обыкновенно проръзывается въ дверяхъ или прибывается надъ ними луна.

(<sup>4</sup>). *Байрамъ*: городской праздникъ, который объявляется пушечною пальбою, и во время котораго позволяется и юнымъ дѣвамъ и невольницамъ глядѣть на городскія игры. Въ этотъ день у нихъ празднуется жертвоприношеніе Авраама.

(<sup>5</sup>). Всякій, не только вельможа, но и простякъ посѣщавшій Мекку, имѣетъ право прибавлять къ фамиліи: Хаджи или Джи.

(<sup>6</sup>). *Рухъ-минъ-Алла* значитъ Духъ Божій.

(<sup>7</sup>). *Ису* и *Мусу* т. е. Иисусъ и Мойсей почитаются у нихъ посланниками Божіими и Великими мужами.

(<sup>8</sup>). *Астрологамъ* или гадателямъ по небеснымъ светиламъ, Музульмане весьма преданы.

(<sup>9</sup>). Выраженіе одного великаго поклонника Магомета. Въ коранѣ, онъ говоритъ, заключается вся мудрость, которой я домогаюсь уже 30-ть лѣтъ, но трудъ напрасень.

(<sup>10</sup>). Въ этомъ, по ихъ мнѣнію: будетъ состоять всё блаженство рая.

(<sup>11</sup>). Еще отъ Салимана II-го осталось обыкновеніе, что Султанъ тайно ходитъ по улицамъ ночью, переодеваясь въ различныя платья. Въ это время егосо -

проводитъ одинъ *Тережи-Паша* т. е. Полицмейстеръ.

(12). *Кизляръ-Агасы*: начальникъ всемъ Султанскимъ женамъ и паложницамъ эту должность могутъ принимать одни Визири.

(13). Султанъ у турокъ почитается богомъ наземль, они его называютъ: *Бели-Алла*, *Веникиль Эниби* т. е. любимый Богомъ и пророковъ намѣстникъ.

(14). *Диванъ*, Сенатъ или главое присутственное мѣсто.

(15). Въ древности славный *Семи-башенный замокъ* называемый *Киклопiонъ*, въ который заключали посланниковъ Державъ, находящихся въ войнѣ съ портою. — Нынѣ слабая крѣпость.

(16). *Хаджибей* по прибытiи на это мѣсто неподалеку котораго находились двѣ Татарскихъ деревни — переименовалъ Каджибей на Хаджибей.

(17) Выраженiе употребляемое сади, Оно означаетъ досаду, нетерпѣнiе.

(18). Воля Аллаха, воля Джибея.

(19). *Моллами* и *Иманами* называются священники.

(20). Тоже подобное молитвѣ.

(21). Воля Божiя! воля Божiя!

53818

1948

НБ ОНУ імені І. Мечникова

689

Библ. Ону імені І.І. Мечникова

Продається въ Одессѣ: въ книжницѣхъ лавкахъ  
Гг. Картамншева и Брауна.

ЦѢНА:

Въ Одессѣ : . . . . . 3 руб.

За пересылку, прилагается, что за долж.